

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ

ГОРЕЦ.

ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

РОМАН

Москва, 2015

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 1992 году
Выпуск 962

Художник
М. Поповский

Старицкий Д.

С77   Горец. Вверх по течению: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 311 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2046-9

Бывает и так... Нагнулся, чтобы гриб срезать, разогнулся, и все... ты уже совсем в другом месте. И не в Подмоскowie, а вообще в каких-то неведомых горах. Не судьба, а просто анекдот: спустился с гор за солью, а тебя в армию забрали. На чужую войну в чужом мире, где нет двигателей внутреннего сгорания и даже дирижабли летают на паровых машинах. В этих условиях приходится выживать студенту Тимирязевской сельхозакадемии Савве Кобчику. По местным меркам неграмотному, необученному солдату со странными идеями.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дмитрий Старицкий, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2046-9

1

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» — только и смог я что подумать этой цитатой, ошалело оглядываясь вокруг. Что дальше там у поэта?.. Не помню. Сам я Данте не читал, так, краем глаза зацепил эту цитату в книге, которую увлеченно читала моя девушка Олеся. Автор — Сергей Сезин, название «Холод речных вод». Она и мне эту книгу подсовывала, но я дальше первой страницы так и не сподобился. Не успел. Теперь уже и не успею.

Своих же мыслей не было. Никаких.

Одно охудение. А вместо слов матерные междометия.

На месте подмосковного, насаженного еще при Сталине аккуратными рядочками березового леса меня окружали ели не ели, сосны не сосны, какой-то неведомый мне их гибрид. Зато какой! Деревья в объёме были не меньше двух метров, а верхушек не было видно из-за густых хвойных ветвей. Правда, эти деревья до секвой недотягивали, но все равно реально впечатляли.

День в самом разгаре, а тут сумрачно. Только редкие солнечные лучики проскакивают до земли. Как на картине Шишкина «Луч света в темном бору» — кажется, так она называется.

Ярко-зеленый мелкий мох на выпирающих из земли мощных корнях.

Травы нет — только ковер из шишек и старых иголок вокруг, скрывающий грибы. Зато какие грибы! Я такие бо-

ровики только в детстве видал. Наткнулся на один, пошел по кругу и собрал всю дюжину. Белый — гриб астрологический. Растет кругами по двенадцать штук. Собрал я эту дюжину крепеньких совершенно не червивых грибов, и корзинка почти кончилась. Можно возвращаться назад.

Вот только куда?

Заблудился ты, Савелий Митрич. Как бог есть, заблудился. Даже не заметил как.

Савелий Дмитриевич Кобчик — это я. А так по-простому, по-домашнему — Савва. Мне двадцать лет, почти двадцать один, и я студент Тимирязевской сельхозакадемии. Той, что в Москве. Второй курс. Ну, дурак был, загулял после первого курса на отвязанной свободе в столице и оказался в армии, приобретя совсем мне не нужную профессию башенного пулеметчика БТР и до кучи специальность молотобойца в мехмастерских мотострелковой бригады — вот это умение дома всегда мне пригодится. Теперь доучиваюсь. Ибо очень важно мне доучиться именно здесь.

Я ведь деревенский. Точнее — кулацкий. Дед мой с отцом и дядьями еще при Горбачеве умудрились выделиться из колхоза в фермеры, на отдельный хутор, право на который в девяностые годы прошлого века пришлось им отстаивать даже с оружием в руках. То свои же деревенские из зависти хотели пустить красного петуха «кулакам буржуинским», то чечены залетные сначала вежливо предложили сдавать им весь урожай за полкопейки, а потом приехали большой бандой нас на это конкретно нагибать, потому как первый раз были неприятно посланы моим батей в пешее эротическое путешествие.

В этот момент я и появился на свет несколько преждевременно. Под грохот восьмизарядных помповых ремингтонов двенадцатого калибра. В аккурат в день памяти преподобного святого Саввы Вишерского, которого московские рейдеры взяли себе в покровители, это случилось 14 октября 1993 года.

Мужики наши от чеченцев отбивались, а бабы у матери в это время роды принимали. Сами. Какой роддом, когда тут такое творится? Вот так вот... Считайте, родился я в бою. Чем и горжусь.

Чичи нас больше не беспокоили, у них свои терки обнаружались, посерьезней борьбы с неуступчивыми хуторами. У нас ведь как: есть чечен у власти — есть чеченская мафия. Скинули с Олимпа чечена — и нет чеченской мафии. Чеченцы в наличии, никуда не делись, даже бандиты чеченские есть, а мафии их нет. Такой вот парадокс.

После того как мои предки от чеченских бандитов отбились, то и бывшие односельчане откровенно побаивались нас чепать¹. Для других же бандитов, более ленивых, мы слишком на отшибе жили.

А там и вертолетный полк, который из Азербайджана вывели вместе со всеми частями обеспечения, нас под свое крылышко взял. Не за просто так, естественно. За гарантированные поставки овощей им на лётную кухню. Тогда совсем спокойно на хуторе стало, потому как проехать к нам домой было реально только через выносное КПП этого полка. А другой дороги к нам не было.

Через год после появления в соседях вертолетного полка вдовый старший прапор ОБАТО² мою старшую сестру-перестарка замуж взял, и совсем нам хорошо стало. Отпала надобность молдаван нанимать на сбор урожая — прапор солдат пригонял, сколько нужно. Только и наказывал нам кормить их хорошо. Чтоб бойцы довольные были.

И с горючкой проблем у нас не стало.

И с теплой одеждой. Зять нас всех как летчиков одел с головы до ног. В кожу и овчинные куртки. Унты допотопные из собачьего меха времен спасения челюскинцев и те где-то умудрился достать. Вот и сейчас я по лесу рассекаю в рыжем летном кожане и летном же камуфляже, в юфте-

---

¹ Ч е п а т ь — зацеплять, цепляться за что; задевать.

² ОБАТО — отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения.

вых сапогах. Только синяя беретка на голове с китайского рынка.

Вот только где я сейчас нахожусь? Не пойму никак, хотя с ориентированием на местности у меня всегда было неплохо.

После сбора урожая солдаты батальона аэродромного обслуживания нам же что на хуторе надо и строили, да наперебой, чуть не в драку. С нами же интересней, чем на посту скучать, аки караульному псу на периметре аэродрома, да и денег мы им подкидывали за труды. Меньше, чем молдаванам, конечно, но... могли бы вообще ничего не платить, по армейским понятиям. Иной раз мы им и самогонки наливали, когда их начальства вокруг не было. Все равно продукция того свинарника, что они построили, почти полностью уходила на пропитание летного состава. А в ответ нам, кроме денег, совсем задаром полкан отдал все обеды и помой с целого полка — хрюшек кормить, и самосвал ЗИЛ-130 выделили для этих нужд, можно сказать, персонально и безвозмездно. Водитель с этого «зилка» даже на контракт после службы остался... с прицелом на мою младшую племянницу, так сказать, нам в зятя намылился.

Так что у нас на хуторе, считай, если по учебнику, родственная община создалась. Или, если точнее, то колхоз на родственной основе. Одна малая семья — мама, папа, дети — такое хозяйство ни за что не вытянут. Даже той толпой, что у нас на хуторе живет, можно все сделать — сохранить, посадить, обработать... Легко! Но вот собрать полностью урожай в одиночку даже у больших колхозов не получалось. Даже в хваленой Америке, где семейная ферма по площади равна нашему среднему колхозу, урожай убирают мексиканцы-нелегалы, которые кочуют там круглый год с юга на север и обратно. А иначе никак. Не зря на Руси сбор урожая всегда страдой называли. От слова «страдать».

После киндерсюрпризовского дефолта на заначенных под матрасом баксах родаки мои нехило приподнялись и

техникой хорошей обзавелись по дешевке. Ее чуть ли не даром тогда отдавали, только за доллары. А что? Экономия — это, считай, чистая прибыль. Грех было не воспользоваться ситуацией.

А полк нам еще и землицы своей прирезал, которой его немерено оделило государство. Задаром — лишь бы картошки да капусты им от нас на весь год хватало. Платили-то вертолетчики нам за овощ по расценкам Минобороны... Но и КамАЗ нам, и пару уазиков — «головастик» и «буханку», у себя списанные, продали они нам за рубли по тем же расценкам, додефолтным. Если вдумчиво посчитать все ништяки, что нам же в неофициальный зачет от летунов шли, даже не учитывая почти дармовой труд солдат на сборе урожая, то и цены московского рынка вам покажутся смешными. Такой вот симбиоз образовался между нами и вертолетчиками. Смычка неба и земли. И все довольны, что характерно.

В общем, как вырос я, как закончил школу с теми же полковыми офицерскими детишками, так меня папаня в сельхозакадемию и наладил. Чтоб, значит, по науке нам дальше хозяйствовать, а не просто как бог на душу положит. Даже платить за мое образование он был готов. Но я напрягся и поступил на бюджет, понимал уже, что лишних денег в семье не было, хотя деревенские совки и считали нас богачами и «ксплататорами». Ну, это понятно, у кого совсем ничего нет, тому и железный рубль — капитал.

Зеленую революцию готовил отец в одном отдельном хозяйстве. Даже страусов завел. Мы с ним за этими страусами, которые к нашим холодам уже привычные, в Финляндию зимой катались.

Выгодное это дело оказалось — страусы. Намного выгодней курятины по деньгам, и, что очень важно, ухода за этой экзотической птицей оказалось меньше. Мясо страусовое сортовое охотно брали московские рестораны (а несортное мы сами с удовольствием трескали). За шкурами страусов и перьями красивыми очередь стояла из жажду-

щих — начиная от мелких производителей дорогой гламурной галантереи до «Мосфильма».

Так что через год кур у нас осталось всего полтора десятка несушек — только на яйца, самим прокормиться. От такой дури, как покупной майонез, мы уже давно отказались — сами делаем. Как и кетчуп с аджикой.

И тут на тебе — «я очутился в сумрачном лесу»... Крутился я, крутился вокруг того места, где оказался, несколько часов. Всякие «сезам, отворись!» и «трах-тибидох!» кричал. Молился всем богам, сыпал проклятиями, уговаривал незнамо кого — все без толку. Ничего не помогло. Обрато в Подмоскoвье я не материализовался. А время шло. К тому же обстановка этого дикого леса несколько излишне давила на психику, которая призывала как можно быстрее покинуть сие неприятное место.

Сделал я три затеса на стволах, внутри которых место моего явления находилось, и пошел оттуда, не забывая путь свой метить такими же затесами. А что делать? Не помирать же тут в этом сумрачном лесу в одиночку?

О! Ручеек нарисовался. Это уже здорово. Пошел я вдоль него по течению — вода она всегда к людям выведет. А там и сам сориентируюсь, как в Москву обратно попасть — я же в общаге одной доброй ко мне податливой дивчине с Украины обещал грибной супчик «пальчики оближешь». Семейный специалитет. Мы с Оксаной вопросов гражданской войны на ее родине совсем не касались в наших отношениях. Для селян любая война — плохо. И вообще, «делай любовь, а не войну» — лозунг на все времена.

Лес по мере его прохождения уже не напоминал первобытную доисторическую чащу. Стал реже и светлее. Да и местность пошла под уклон. И понял я, что проявился тут на ровном плато среди гор. Когда горы увидел, то охудел уже окончательно.

Это точно не Подмоскoвье.

Сию тревожную мысль я решил заесть-запить. Время обеда подошло, судя по настойчивым призывам желудка.

Устроился на площадке над обрывом, снял рюкзачок, поделил запасенные продукты надвое, накрыл поляну и все схавал в одно рыло, запивая сладким чаем из термоса.

Жевал и осматривался. Горы были не сказать чтобы высокие, что-то типа Уральских в районе города Златоуста, где я служил. Старые горы. Выветренные. Вечных снегов на вершинах не видно. Выше меня горы стояли лысые, ниже поросли лиственным лесом. Причем даже я после академического курса ботаники не смог бы точно определить, что это за породы. Листья большие и разлапистые, как у конопли, а древесина на срезе больше на бук похожа или на что-то подобное — красное и на первый взгляд ценное.

А вот жилья окрест никакого не видно. Даже дымка не наблюдается. Это уже хуже.

Читал я пару книжек про попаданцев в другие миры, но там их всех или по голове били, или катастрофа какая с ними приключалась типа КамАЗа на встречной полосе. Но я-то просто шел себе по лесочку и зашел не так уж и далеко от электрички, грибы искал, наклонился, поднялся, и все... Берез никаких нет, как и не было, одни хвойные гиганты вокруг. А теперь горы... И эти деревья с листьями конопли...

Атас!

И куда, скажите, мне податься?

Вестимо, вниз. В горах мне точно делать нечего.

Поднялся и пошел. Неча рассиживаться. Хотя пейзаж тут такой прелестный, что этот вид туристам продавать можно. За свободно конвертируемую валюту.

Почему-то назад воротиться к тому месту, откуда я начал это свое экзотическое путешествие, у меня и мысли не возникло. Впрочем, как и паники. Попал и попал. Устраиваться надо, оглядываться, людей искать — они подскажут, что случилось. А там проснемся — разберемся.

Кстати о проснемся... Однако ночлег надо заранее искать, а то кто его знает, какие тут зверушки хипповые водятся в этих экзотических лесах. Мне и пары простых вол-

ков хватит за глаза. Правда, вокруг конец лета вроде, волки еще не голодные, на людей бросаться им не время. Но все же, все же... береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет.

Перемотал портянки и пошел. Страдать потом будем. Палку себе только вырезал ухватистую и заострил ее с одного конца. Стало немного спокойнее — хоть какое-то длинное оружие в руке. Великим нагибатором я себя и не почувствовал, но успокоился и мандражировать перестал. Даже рассмеялся, припомнив анекдот о сибирском унита-зе из двух жердин. На одну полушубок вешать, другой от волков отбиваться...

Ручей петлял между деревьев и крупных камней, и я с ним такие же кренделя выписывал.

Пару раз перебирался через приличные буреломы.

Напоследок прикинул к носу и вернулся к последнему завалу, где и отыскал себе место для ночлега, вроде как защищенное со всех сторон поваленными деревьями с торчащими во все стороны толстыми ветками.

Костерчик небольшой запалил. Только он на то и сгодился, чтобы острие самодельного копьца закалить, да грибы на углях пожарить. Как бы знал, что так получится — котелок бы захватил с собой, хоть солдатский, маленький. Так что повечерял печеными боровиками (домашний запас надо экономить, однако) и упал на бок вместе с птахами.

Последней мыслью ожгло, что лучше бы вообще за грибами в этот день не ходить никуда. Перебилась бы девчонка и без грибного супчика. Не первый же приступ к телу... Уже дала...

С птахами и проснулся. От их радостного чириканья, больше похожего на благодарственный молебен вернувшемуся солнцу.

Скромно позавтракал и дальше потопал. Умереть голодной смертью я не боялся — это надо быть наследственным балконным жителем, чтобы в лесу с голоду помереть.

Даже без браслета из паракорда. Но все же, все же... Со-
всем переходить на подножный корм — это время существ-
венно терять. А когда я к людям выйду — вопрос, на кото-
рый у меня нет ответа. Кушать же хочется каждый день.

Трудно сказать, сколько километров я отмахал так в
одиночестве. В горах этого не понять. Прямых горных до-
рог и в цивилизации нет — сплошные серпантины. А тут
даже тропки никакой, людьми натопанной, пока не об-
наружилось.

Крупных зверей я не видел, мелких же больше на звук
опознавал — разбегались они от меня по кустарникам.
С шумом.

Один раз большая пятнистая змея толщиной с мою ру-
ку поперек пути ползла. Долго. Пришлось неподвижно
стоять, опершись на копыце, ждать, пока это неторопли-
вое пресмыкающееся дорогу освободит и в свои папорот-
ники уползет.

По соседним горкам, на скалах, скакали мелкие горные
козлы стайками по десятку-полтора голов.

Какие-то парнокопытные и в лесу водились. Но я их
самих не видел. Только следы. Звериные тропы водопой-
ные на ручье часто встречались. Человеческие — нет.

Обедал у небольшого водопада, которым окончился
мой путеводный ручей-проводатый. Водопад понизу про-
бил в камне небольшое озерцо прозрачное — каждую галь-
ку видать на дне. Рыба там водилась крупная, гоняясь за
чешуйчатой мелочью, которую исправно поставлял водо-
пад.

Вырезал себе острогу примитивную — счетверенный
наконечник в растопырку. Посидел час на камушке прак-
тически неподвижно. Но добыл крупную рыбу только с
пятой попытки. Длинной почти с мой локоть. Незнакомую
на вид. Выпотрошил ее, убрал все брюшные пленки — про
них препод по ихтиологии нам говорил, что само мясо рыб
ядовитым не бывает. Только плавники, жабры, брюшные
пленки и иногда икра. Вот и я не буду рисковать. У этого

экземпляра икры не было — молоки, но я и их на всякий случай выкинул обратно в воду — рыбки все подъедят.

Запек эту неизвестную мне рыбу на углях, на импровизированной решетке из сырых очищенных веток. И съел. Даже не съел, а пожрал все, как голодный кот — с урчанием. Соли у меня только мало — спичечный коробок, и все. Но на это раз я не пожадничал. Экономить потом будем.

Отобедал до осоловления да и привалился к нагретому камню — переваривать. Заодно ноги помыть и портянки на теплом камне просушить. Ноги теперь для меня — главный орган в организме. Хорошо еще я догадался сапоги обуть, а не кроссовки. Сейчас бы от этих кроссовок одни ошметки остались бы и свальянные убитые носки.

Так хотелось подольше остаться у этого водопада — в озерце под ним я еще десяток крупных рыбин видел. Но не ко времени курорт разводить. Топать надо. Определяться с местом. Меня дома ждут.

Горы на взгляд стали выше и дальше. Вроде я на верном пути — в долины спускаюсь. Главное, выйти к людям, а там до Москвы добраться уже не проблема. Или до Калуги. А от Калуги до родительского хутора уже совсем просто. Деньги у меня с собой есть. На билет хватит. А не хватит, так телеграмму pošлю отцу, тогда и вернусь домой даже от Владивостока.

К исходу второго дня наткнулся наконец-то на натопанную широкую тропу, почти дорогу. Следы в основном звериные — странные такие копыта, скругленным трилистником. Передние — подкованные. Да и следы узких колес четко говорили мне, что люди тут точно есть, раз они что-то возят. А возят они какие-то камни — их много тут по обочине валяется. Рядочками такими с перерывами. По обе стороны пути, что характерно. Видать, с кузовов нападали.

Поднял такой камушек, посмотрел — ничего не понял. Камень как камень. Серый с искоркой. Меня не учили в

камнях разбираться. Я все больше по живому. Или уже совсем с готовым железом...

Попил водички из термоса — холодная еще, и потопал в приподнятом настроении по дороге этой вниз. Вверх почему-то не захотелось.

К закату вышел я на избушку на курьих ножках, что стояла чуть в стороне от дороги. Мог бы и не заметить, если бы не крутил головой по сторонам, как истребитель. Ответвление от дороги шло зигзагом и большими кустами было как бы замаскировано. Да и не накатано особо.

Заимка на небольшой полянке у тонкого ручейка маленькая совсем. На двух широких пнях стоит на метр от земли. Пни эти на куриные лапы точно похожи своими раскоряченными корнями. Крыша в два ската. Дверь и одно волоковое окошко закрытое, почти под самой крышей. Дверь заперта просто на приставную палку враспорку — от зверей, не от людей.

— Ну, и где тут Баба-яга? — спросил я пространство. — Банька мне сейчас точно не помешала бы.

Пространство мне ничего не ответило.

Варя на ужин нехитрый супчик на допотопной керосинке, не переставал удивляться приютившему меня домику. Видно, действительно места тут глухие, раз такие заимки стоят, как в уральских лесах. Стол, колченогий табурет и полати — вот и вся обстановка. Полка еще под самой крышей с небольшим запасом соли, спичек, макарон, травки сушеной типа чая, сушеных же овощей... Мясо, видать, тут в лесу добывают — в коробке медной жести с притертой крышкой небольшая банка черного пороха, дробь, круглые пули и плоские капсюли. Немного всего — зарядов на десять. Но мне и этого выше крыши, спасибо вам, добрые люди, только у меня и ружья-то нет.

После сухомятки последних дней жутко хлёбова хотелось. Вот и варю что-то вроде лукового супчика. Овощи местные. Сыр еще московский с бутербродов.

Бабы-яги, как и ее внучки, ни в домике, ни окрест него не нашлось, но чувство того, что я самый настоящий Ванька-дурак, меня не покидало. Сюр какой-то... Сказка для малышей младшего студенческого возраста. Одно утешало, что люди тут все же есть. Оставил же кто-то припасы в этой заимке. Только вот люди ли? — сомнение грызло. Как бы не орки с альвами...

И эти еще трехпальцевые копыта. Нет на Земле таких гужевых животных. Это я точно знаю.

Несмотря на все непонятки, спал я в эту ночь как убитый. Может, потому что дверь прочная на железном засове. Даже то, что какие-то блохи меня кусают, понял только перед тем, как проснуться. М-да... Это далеко не Рио-де-Жанейро. Впрочем, как там в бразильских фавелах с блохами обстоит, я не знал. По «Дискавери» это не показывали. Может, еще хуже.

Настроение у выпавшегося организма прекрасное. Вот что значит вкусного жидкого да горячего похлебать и выспаться как следует в безопасной обстановке. Шел я по лесной дороге и напевал «Вечную любовь» Азнавур, пока не понял, что мне в спину пристально смотрят. Оборвалось мое пение на словах: «Я уйти не мог, прощаясь навсегда». Оглянулся поспешно. На фоне зеленых кустов орешника стояла и смотрела на меня во все синие анимешные глазищи девчонка-пигалица лет двенадцатитринадцати, держа в руках веревку, к которой была привязана за рога вполне земного вида белая коза. Ноги босые. На худом тельце просторный сарафан на лямках. На голове косынка, из-под которой выбиваются соломенного цвета локоны. Ну, чисто Сольвейг из этого... «Пера Гюнта».

«Блондинка, натуральная», — отметил я про себя, как будто это что-то проясняло.

Больше никого вокруг не было, и я успокоился. Улыбнулся, шутовки отвесил киношный мушкетерский по-

клон, приспособив вместо шляпы с пером скромную синюю беретку с китайского рынка.

— Прекрасный день, барышня, не находите, — поприветствовал я ее. — Не подскажете мне, как мне найти ближайшее жилье? А то я долго иду уже...

И так большие глаза ее стали еще больше. Она переступила босыми ногами, почесала лодыжкой об лодыжку, пожала худыми плечиками, но ничего не ответила.

— Парле ву франсе?.. Шпрехен зи дойч?.. Ду ю спик инглиш? — перебрал я вслух возможные варианты, хотя не знал как следует ни один язык из мною же обозначенных.

Так... В школе у меня был английский, в академии — немецкий. Но не более. Хотел еще спросить, понимает ли она азербайджанский, но, взглянув на ее европеоидные черты и особо на радикальную блондинистость, понял, что этот язык она точно никак не поймет. Я и сам знал на нем только пяток самых расхожих фраз, которых в школе нахватался от детей вертолетчиков.

Потом мемекнула коза, совсем по-нашему. По-земному.

Девочка наконец-то произнесла несколько фраз, но... я такого языка точно не знал. Посмотрел внимательно на ее уши, но они были спрятаны под косынку. Может, она альва или, как еще в книгах пишут, эльфийка?

Постучав себя по груди кулаком, я представился:

— Савва.

Понятливая девочка ткнула в меня пальчиком и повторила:

— Савва.

Я обрадованно закивал. Есть контакт!

Но дальше не заладилось. Свое имя она называть отказалась, хотя и поняла, чего я от нее хочу. Повернулась и пошла вниз по дороге, таща за собой упирающуюся козу.

Оглянулась и призывно махнула ладошкой. Типа «иди за мной».

Я и пошел. А что еще делать в такой ситуации?

И вот уже почти год живу я на этом горном хуторе. Был бы кто сам не хуторским — с тоски бы тут сдох. А мне ничё так, привычно. За работой не скучашь, а всю работу на хуторе не переделать по определению. Язык местный освоил. Разговорный. Поначалу на уровне «моя твоя не понимай», а потом пошло... Сейчас я вполне бегло болтаю на рецком.

Страна эта горная называется Рецией, а язык — рецким. А гора, на которой я материализовался, — Бадон. По преданию, когда-то на ней жили боги. Потом за что-то обиделись на людей и ушли. Куда? Кто знает?

Хозяин хутора оказался кузнец. Я у него, соответственно, молотобоец. Потому так легко и вписался в местную жизнь, языка вообще не зная. На второй день услышал знакомые металлические звяки. Сунулся в кузню, что на отшибе стояла, дальше сортира от дома, чтобы, значит, в случае чего постройки не попать. И застал я там картину ругани двух братьев-хозяев. Младший ковал. Старший молотом бил. Но корчила его какая-то хворь, и бил он не так, как нужно было кузнецу. Вот один и ругался, а второй оправдывался, как я понял по интонациям.

Я подошел, молча отобрал кувалду у старшего. Посмотрел в упор на младшего. Тот кивнул и ударил молоточком по разогретой железке, я туда же кувалдой стукнул. И так еще пару раз, после чего младший старшего с кузни прогнал. И мы с младшим доковали колодезный ворот уже вдвоем. Хитрый такой ворот — граненый, выгнутый в обе стороны.

Младший... Ну, как младший, это он брату своему младший, а так мужик лет сорока. Меня в два раза старше.

Так я там на кузне и прижился в этом мире. Относились ко мне хорошо. Не как к батраку, а как к члену семьи. Блудному сыну, который пропадал незнамо где, но в одночасье вернулся в лоно семьи. Ни в еде, ни в одежде не отделяли, как всем, так и мне.

Когда язык освоил, то рассказали мне, что никакой России в этом мире нет. И не было. И Европы с Азией нет. Про Америку так вообще не слышали. Вот так вот... А что есть? Есть Серединная империя, в которой я сейчас и живу, есть Восточное царство, Островное королевство на севере, Западная республика. И на юг за горами десятка два государств поменьше. Это я их так называю, чтобы вам понятнее было. Думаю, не стоит мне уподобляться иным дивным писателям, которые норовят про эльфов писать на изобретенном ими же квенья, на котором реальные альвы никогда не разговаривали, как я подозреваю. Так что все понятия и термины я буду давать по-русски, как они у нас называются. И вам язык не ломать, и мне так проще рассказывать.

Кстати, уши у всех оказались нормальными, человеческими.

Раз пять за это время ходил я в долгую увольнительную в горы, на то место, где меня выбросило в этот мир. Бесплезно. Нагибайся не нагибайся, все те же хвойные гиганты вокруг. Домой пути нет. Что летом, что осенью, что зимой... А по своим родным я скучал сильно, особенно зимой, когда метель в камине завывала. Песни тогда я пел грустные по-русски, а хозяин мне вымороженной бражки в такие вечера подливал, сочувствовал. Но помочь ничем не мог.

А девочка, что привела меня на этот хутор, все просила меня в такие минуты снова и снова спеть ей «Вечную любовь». И тоже помочь мне ничем не могла.

Маскировал я эти «походы домой» охотой. Туда иду — силки ставлю, на обратном пути добычу собираю. В основном небольшие зверьки, похожие на енотов, попадались. Но шкурка добрая у них. Хозяева мои рады были. Шапки нарядные получались.

Ружьишко мне выдавал кузнец в те походы — дульнозарядную шомполку с капсюльным замком. Но я им не пользовался, только таскал с собой на всякий пожарный случай. Мало ли кто в горах дорогу перейдет. В первую

ходку стрельнул пару раз, убедился, что нормально стреляет, и все...

Несколько раз приходил из долины караван повозок. За серым камнем, который я на дороге видал. Он тут у них вместо нашего угля, только горит жарче и без копоти. Кузнецы за него готовы были переплачивать против древесного уголька. Привозили металл в полосах в оплату, так как почему-то считали, что кузнец на выработку серого камня право имеет, а их за ним пускает из милости. Заодно заказы оставляли на что-либо посерьезнее топора или косы с серпом сковать. Особенно славились его замки с хитрыми ключами. Большие такие, амбарные.

Но больше всего заказов приходилось на зимние подковы с шипами, для стирхов. Это такие коньки-горбунки с трехпальными копытами, следам от которых я поначалу дивился. Тут эти стирхи тягловыми животными были. Да и у кузнеца стоял в сарае такой же пегий лошарик с длинными ушами и большим горбом над лопатками. Мы для него всю осень сено косили. Даже малышня маленькими серпиками.

Охотники из долины, чья была заимка на курьих ножках, где я ночевал попервоначалу, так тоже, возвращаясь домой, оделяли кузнеца приличным куском мяса горного козла, а то и целую козочку оставляли или кабанчика. За то, что на его земле их заимка стоит. Такие вот отношения. Хотя никаких бумаг на эту гору у кузнеца не было — я это отдельно узнавал. И сам он был тут самым тривиальным «понаехавшим».

Всего на этом горном хуторе жило две семьи. Или одна большая, это с какой стороны посмотреть. Старый дед — отец братьев-кузнецов, уже глухой совсем. Всё корзины плел на продажу, хотя в его труде надобности никакой не было. Вдовый старший брат с дочкой. И сам кузнец с женой и четырьмя сыновьями-погодками от четырех до семи лет. Все белокурые и светлоглазые, как чухна. Истинные

арийцы, характер нордический, сдержанный... Даже шалили их дети как-то аккуратно, что ли.

Но если что серьезное случалось, то взрывались горцы с полпинка. Пару раз и мне пришлось вместе с хозяином на ярмарке помахать кулаками. По моему мнению, так вообще на пустом месте — из-за шуток. А вот хозяину не понравилось, как меня задирают... Так что равнинные жители редко когда на горцев наезжали, особенно белокурых. Вообще в империи у рециев была репутация тормозов, шуток не понимающих. А долинных жителей Реции так горцев характеризовали. А уж кто для горца тормоз, мне неведомо, может, и есть кто...

Горцы же долинных жителей иначе как балаболками не звали. И на слово им не верили, хотя между собой у них слово значило больше любой самой серьезной бумаги с печатью. Да и как иначе, когда большинство населения в горах неграмотно. Живут малыми хуторами, школ нет, радио тоже. Я уже не говорю о телевизоре. Газеты, журналы в стране имеются, только в горы они не попадают. Даже почтальон нас сам не посещает, хотя и должен. Он, если надо, передает корреспонденцию с обозниками, которые за серым камнем к нам ездят.

Старшего брата хозяина мы схоронили по ранней весне, как снег сошел. Доконала его неведомая болезнь. По осени его и докторам показывали, когда на ярмарку ездили, — ничего не помогло. Сохся весь за зиму и отошел тихо во сне, как праведник.

Я сам ему могилу копал в каменистом грунте, типа крымского. Без кайла делать нечего, лопаты железные гнутся. Вот и трудились, я — киркой, хозяин мой — лопатой совковой. За три часа могилку продолбили. Поначалу я не понял, почему кладбище на такой трудной земле основали, обычно же стараются везде, где людей уважают, для кладбища песочек выбрать и сосны. На крайний случай — березки. Оказалось все просто — ни для чего другого эта земля не приспособлена. Ни овощ на ней не вырастить, ни скот нормально пасти. Виноградник бы тут при-

жился, да высоко для виноградника, зябко тут ему. На зиму закрывать надо, землей засыпать, а при таком грунте... Проще вина в долине купить. Сразу бочку, чтобы на год хватило.

Схоронили старшего на пригорке, где до того только его жена лежала. Вторая могила — это уже заявка на родовое кладбище. Хотя жили они тут по праву самозахвата этой земли, которая никому другому вроде не интересна была. Тенденция в империи уже нарисовалась такая, что сельский народ, продавая, а то и просто бросая свои наделы, все чаще в город подавался, где деньги легче зарабатываются и рабочий день нормированный, хоть и в десять часов длиной. К тому же выходные и оплачиваемые отпуска по имперскому закону любому наемному рабочему положены.

Постояли мы у могильного холмика, помянули раба божьего, что в этой юдоли отмучился, и домой ушли. Думаю, что если бы не его болезнь, то, может, и не оставили бы эти люди меня у себя, накормили бы «немного» странника и с утра дальше вниз, в долины, прогнали. А там... Фишка могла лечь на любую сторону. Потом я уже насмотрелся на местную жизнь. Разная она. Так что можно сказать, что повезло мне на добрых людей. И на мягкую адаптацию к местным нравам и понятиям.

Элика, та девчонка, что меня с козой на дороге встретила, за ту же зиму, что ее отец сох, в бабью стать вошла — выросла, округлилась в тех местах, где положено. Соблазн жуткий для молодого парня, который больше полугода без женской ласки живет, только вкалывает. Так что я от греха подальше, как только чуть потеплело, перебрался спать на сеновал, что надстроен был над стойлом лошарика. Медвежья шкура снизу, на сене, большой овчинный тулуп сверху — красота. И воздух чистый, не то что в избе, где жарко натоплено и такая куча народа его надышала со всех дыр.

Весна.

Дразнящие ароматы вокруг.

В лесу щепка на щепку лезет.

У девочки первый гормональный шторм башню сносит. А вокруг, кроме моей кандидатуры, никого и нет больше, с кем в «люблю» играть.

И я с сухостоем.

Поначалу все было как-то невинно, что ли. На глазах у всех. Прибегала, садилась рядом, прижималась к боку, и начиналось все с плача по безвременно ушедшему отцу, приходилось утешать, а заканчивалось одинаково — тем, что просила она меня спеть «Вечную любовь».

Потом как-то осмелела и на сеновал ко мне ночью прошмыгнула. Разбудила. Опять ее утешай...

Залезла ко мне под тулуп, поплакала немного, потерлась об меня всем телом, потом целоваться вздумала. Решил я, что попробую просто петтингом отделаться, но... требование юной чертовки было категоричным и императивным:

— В дырочку!

Так, конечно, долго продолжаться не могло, но месяц с небольшим мы продержались, тая наши новые отношения от остальной семьи.

Потом попались.

Точнее, она попалась, когда очередной раз ночью в сенах с дядей столкнулась, не вовремя до ветру отправившимся.

Меня с нее никто не снимал, так что только подозрениями, хотя и суровыми, со стороны хозяина я легко отделался. Кузнец только глазами сверкал, но коли не пойман, как говорится, то и не вор... А по их понятиям за конкретную предьяву надо ответ держать по всей строгости. Только работой меня нагрузили сильнее, чтобы на ночь сил не оставалось. Но это он по своему возрасту судил, сам упавшись вместе со мной так, что к вечеру его ноги не держали. Я тоже сильно уставал, но юный организм бабы хотел больше, чем сна.

Продолжалось бы так и дальше, встречи только хитроумнее обставлять пришлось, да и тепло настало, в лесу зеленый лист вылез. Пришло время собирать ранние травы и дикий чеснок. Так что, поставив силки, приходил я в условленное место в густых кустах лещины, где и любилась мы с Эликой, никого уже не опасаясь. Потом порознь расходились и приходили домой порознь — она с корзиной, я с двумя-тремя кроликами. А то и облезлым енотом. С виду все чинно и благородно.

В конце мая поехали мы с кузнецом на ярмарку в долину только вдвоем почему-то.

Расторговались быстро, в два дня.

Закупили, что нам в горах потребно.

И повел он меня в казенный дом, как сказал: документ мне выправлять. Я и пошел спокойно, так как никакой подянки от него не ожидал. А зря.

Где-то полчаса я ждал кузнеца в унылом коридоре на жестком стуле. Потом и меня вызвали к местному начальству в убогий кабинет, где единственным ярким пятном был ростовой портрет императора в золоченой раме.

Тучный усатый начальник в мундире, смутно напоминающий иллюстрации Йозефа Лады к «Бравому солдату Швейку», долго тряс мне руку, чуть кисть не оторвал, и нудно восхвалял мои мнимые достоинства и имперский патриотизм, пока до меня не дошло, что я, стараниями кузнеца, записался добровольцем в армию. Уже.

Вот облом так облом... И отказаться вроде как нельзя... Отказаться от такой почетной обязанности верного подданного императора, это вроде как отказаться от семьи кузнеца, которая была для меня единственным источником легитимации в этом обществе. Да мне и времени не дали на раздумья.

Дали только провожатого, у которого на плече висела длинная винтовка с примкнутым ножевым штыком.

Кузнец мне выдал из телеги заранее приготовленную им тайне от меня котомку с запасным бельем, бритвой и

онучами, корзинку с харчами и кошелек в виде мошонки с завязками с дюжиной серебряных и тремя десятками медных монет. Помявшись, сказал:

— Это тебе на первое время. Потом тебе жалованье будут платить. Все твои вещи мы сохраним в целости, за них, Савва, ты не бойся. — Я на ярмарку приехал во всем домашнем, во что меня уже тут одели, а московские вещи лежали в сундуке, моем, отдельном. — Как и за долю свою не бойся — сохраним. Служи честно. Выслужишь через три года полное гражданство, тогда и возвращайся на мою племянницу залазить. С полным правом.

И подмигнул мне глумливо, паршивец.

А меня под конвоем отвели на окраину города, где размещался за забором армейский сборный пункт, который, наверное, в любом конце галактики будет одинаковым, где и поселили не в душной казарме для рекрутов, а в прохладной и комфортной шестиместной палатке, которые предназначались для добровольцев как льгота.

Там я от соседей и узнал, что уже неделя как началась война империи с южным соседом.

Здравствуй, опа, Новый год! К чему мне еще и чужая война? За что?

3

Долго мне бичевать на пересылке не пришлось. Тут хоть и армия, но порядок был, как и везде в империи.

После обеда всех добровольцев помыли в бане. И потом долго гоняли в голом виде по врачам в длинном бараке. Некоторых отсеяли по медицинским показаниям, на что они очень обиделись и, к моему удивлению, громко требовали пересмотра решения.

Пока стоял в очередях этой медкомиссии, я выяснил весьма любопытные подробности имперских порядков. Лет так за десять до моего попаданства в этот мир император Отоний Второй провел очень прогрессивные рефор-

мы. Особенно государственной службы. Все окружающие империю страны уже перешли от небольшой профессиональной армии к массовой по призыву, основной задачей которой в мирное время была подготовка обученного резерва на случай большой войны. Не отстала от них и империя. Но к хорошему кнуту — каторге на такой же срок за уклонение от призыва — император добавил несколько очень заманчивых печенюшек не только в виде некоторых льгот для добровольцев.

Все население империи теперь делилось не на дворян, мещан и крестьян, а на подданных и граждан. Причем представители любых сословий (которые никто не отменял) могли оказаться и в той и в другой категории. Но подданные имели только обязанности перед короной, а граждане еще и права. Право государственной службы, право избирать и быть избранным, как на муниципальные должности, так и депутатами в провинциальные сеймы. Избирать и быть избранным можно было только после трех лет военной службы в любых чинах.

Служба по призыву имела двухлетний срок и гражданства не давала — оставайся на сверхсрочную еще на два года, если приспичило стать гражданином. Таким образом, поощрялось и мотивировалось добровольчество. И пункт в биографии о том, что человек служил в армии добровольно, при прочих равных давал преимущество во всем в последующей жизни.

Дворяне, даже имеющие высокий образовательный ценз, начинали военную службу с рядового — сроком на год. После чего они могли поступать в офицерские училища или дослуживать еще два года помощниками офицеров в ротах в чине фельдьюнкера, если настроились на гражданскую жизнь. Такие уходили на дембель лейтенантами военного времени и составляли офицерский резерв ротных субалтернов на случай большой войны и массовой мобилизации. Но для этого надо было иметь полное среднее образование. Иначе служи, как все, даже если твой род

насчитывает больше тысячи лет. Героические предки за тебя служить не будут.

Студентам технических специальностей без различия сословий давали спокойно доучиться и призывали их только после защиты дипломной работы на тех же основаниях, что и дворян. Что часто приводило к таким, на мой взгляд, курьезам, как воинское звание инженер-ефрейтора. Они также после года солдатской лямки могли пойти на краткие офицерские курсы и продолжить службу уже в корпусе военных инженеров или дослужить оставшиеся два года инженер-юнкером с выходом в отставку инженер-лейтенантом. Но таких высоколобых солдат чаще можно было встретить на флоте, чем в пехотной казарме.

Гуманитарии служили так же, как и необразованные, кроме переводчиков и юристов, которые со второго года служили по специальности.

В первый год службы ни дворянам, ни бывшим студентам никаких поблажек не давали — гоняли и в хвост и в гриву, как и всех. Император считал, что не понюхавший портянок в казарме изначально плохой офицер, так как солдатской жизни не знает. А как можно успешно командовать теми, кого не знаешь?

Ни титул, ни древность рода, ни образовательный ценз, ни размер состояния значения не имели.

А по поводу активных возмущений решениям медкомиссии, то ларчик открывался просто — для государственной службы требовалось такое же наличие здоровья, как и для армии. При этом никаких ограничений для частной инициативы в империи не было. Только для госслужбы.

Но гражданин всегда и везде имел преимущество перед подданным. Даже государственные заказы при прочих равных условиях передавали гражданам. Такое вот стимулирование полновесным кройцером.

Как императору удалось таким образом прижать не только родовитых дворян, но и толстосумов третьего сословия — ума не приложу. Но ведь сумел. Сроку на рефор-

му госслужбы было положено пятнадцать лет. Таким образом, через пятилетку удалялись в отставку все чиновники, не служившие в армии, и заменялись дембелями.

Так что при очередном уточнении списка налогоплательщиков, которые в империи составлялись каждые пять лет, меня все равно бы призвали в армию. Но добровольцы имели десятипроцентную льготу по налогам всю оставшуюся жизнь. Кузнец меня фактически облагодетельствовал, только я еще этого не сознавал и был на него очень зол, хотя и понимал его мотивы.

Медкомиссию я прошел на ура и был признан годным к службе без ограничений.

Потом нас всех переодели в хлопчатобумажную униформу светло-горчичного цвета. Выдали сапоги, щетку, ваксу, ремни и ранцы, подворотнички, иголки и нитки. Все пока без знаков различий. И дали время привести себя в порядок до ужина.

Подворотнички оказались у всех одного размера, для меня короткого. И, чуя предстоящую раздачу звиздюлей от сержантов, я просто оторвал полоску от чистого носового платка и подшил ее к воротнику на найденный около палатки кусок конопляной бечевки. Получилось аккуратно и даже красиво. Главное, что бечевка не проволока, щупай ее не щупай, она мягкая.

Иголки с нитками я прикрепил за отворот кепи. И подписал все свои вещи химическим карандашом по-русски «Кобчик». А то знаю я, как могут «гулять» в армии неподписанные вещи. Я бы и хлоркой их подписал — что надежнее, но не было ее в досягаемости.

На ужин мы шагали пока еще толпой, но уже в форме, вызывая приступы зависти у рекрутов, которые на нашем фоне выглядели разномастной толпой беженцев.

Накормили нас по меркам российской армии неплохо. Кашей со щедрой мясной подливой, типа татарского азу. И на запивку выдали что-то отдаленно напоминающее какао. И вкусный свежеиспеченный хлеб.

После ужина выдали по куску дерюжного полотна и приказали все домашние вещи зашить в него. Их отправят домой почтой. Вот каждый и сидел перед палаткой и сортировал свое барахло, мучительно думая, что оставить, а что домой отослать. Я себе из домашнего, кроме носовых платков и мыльно-рыльного, оставил только нож, запасные портянки, бритву да кресало — лишнее барахло солдату только в тягость. Еще харчи домашние. Помню сам, что поначалу в армии, как ни корми, все одно чувство голода будет неистребимо месяца три.

Ну, и нож не забыл. Он у меня еще с Москвы — китайская подделка под испанскую складную наваху. Железо — дрянь, хотя точится хорошо до бритвенного состояния, но держит заточку недолго.

Потом пришел интендантский фельдфебель, и с ним два солдата прикатали ручную тележку. И все наши посылки покидали в нее. Неграмотным, в том числе и мне, адреса написали на них с наших слов.

А дальше была самая желанная команда для солдата — «отбой». Ее продудел невидимый отсюда горнист. И я заснул с чистой совестью на чистой простыне, пусть теперь о моей судьбе командиры думают. Им за это большое жалованье платят.

На следующий день на каждые две палатки нам прикрепили по старослужащему ефрейтору в качестве командира отделения. И после завтрака, наскоро сбив взводные колонны, всех обмундированных добровольцев — чуть за сотню голов — под командой высокого гориллообразного фельдфебеля повели пешком в летние лагеря на курс молодого бойца, как я понял. Мне повезло попасть на сборный пункт в последний день перед отправкой учебной роты. А то бы куковал там еще две недели, пока не сформируют новую.

Что-либо нам объяснять никто не удосуживался. Приказали идти — вот и выбиваем пыль из дороги. Никаких политинформаций про войну нам никто не проводил, как будто ее и не было.

и для любого другого новобранца. Может быть, даже труднее, потому как мне приходилось переучиваться.

И еще одно суровое отличие от российской армии. Передвижение по лагерю хоть в одиночку, хоть в группе исключительно бегом или парадным строевым шагом. Вот так вот. Поймали на обычном прогулочном шаге — залет. А залетчики по вечерам, когда у всех краткое свободное время, подновляли дорожки, таская носилками песок с речки. Меня пока эта стезя не коснулась. Не был я «курсант Образцов», но и не ходил в «курсантах Разгильдяевых». Так — крепкий середнячок. Еще Пушкиным в «Капитанской дочке» завещано: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Вот я и старался соответствовать древней русской мудрости. Все равно этот курс молодого бойца всего на месяц, а там нас раскидают по разным частям — прокатила такая параша по личному составу. Ну и стоит ли в таком разрезе анус драть на британский флаг?

На вторую неделю, немного сократив строевую подготовку, добавили нам начальники занятия по изучению винтовки.

Ефрейтор Бут, держа в руках изумительно изящный агрегат, кое-где еще с латунными частями, наставительно произнес:

— Вот, господа новобранцы, наше основное оружие пехоты — малокалиберная однозарядная винтовка системы инженера Кадоша. Ее вы должны будете изучить от мушки до последней антабки и должны знать ее особенности и конструкцию лучше, чем прыщи на заднице своей подружки. Ясно всем?

Дождавшись нестройного ответа и сдержанных смешков, переспросил:

— Ясно всем? Не понял?

— Все ясно, господин ефрейтор, — на этот раз все гаркнули дружно, зная уже, что будут отвечать до тех пор, пока ефрейтору не надоест задавать свой вопрос.

Приложение 1

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ИМПЕРСКОЙ АРМИИ

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот
1	Генерал-фельдмаршал				
2	Генерал-полковник*				Адмирал моря*
3	Генерал пехоты	Генерал кавалерии	Генерал артиллерии	Инженер-генерал	Адмирал
4	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант артиллерии	Инженер — генерал-лейтенант	Вице-адмирал
5	Генерал-майор**	Генерал-майор**	Генерал-майор артиллерии**	Инженер — генерал-майор	Контр-адмирал**
6	Полковник	Полковник	Полковник артиллерии	Инженер-полковник	Капитан-командор

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот
7	Подполковник	Подполковник	Подполковник артиллерии	Инженер-подполковник	Фрегат-капитан
8	Майор ***	Майор ***	Майор артиллерии***	Инженер-майор***	Корвет-капитан***
9	Капитан	Ротмистр	Капитан артиллерии	Инженер-капитан	Капитан-лейтенант
10	Старший лейтенант	Баннерет	Старший лейтенант артиллерии	Инженер — старший лейтенант	Лейтенант флота
11	Лейтенант	Корнет	Лейтенант артиллерии	Инженер-лейтенант	Мичман
12	Штаб-фельдфебель****	Штаб-вахмистр****	Штаб-фельдфебель артиллерии****	Штаб-фельдфебель****	Кондуктор**** Гардемарин

13	Старший фельд-фобель	Старший вах-мистр	Старший фельдфебель артиллерии Старший вах-мистр конной артиллерии	Старший фельдфебель артиллерии Старший вах-мистр конной артиллерии, портупей-юнкер	Старший фельд-фобель	Старший боцман
14	Фельдфебель, портупей-юнкер	Вахмистр, портупей-юнкер	Фельдфебель артиллерии, вахмистр конной артиллерии, портупей-юнкер	Фельдфебель артиллерии, вахмистр конной артиллерии, портупей-юнкер	Фельдфебель, портупей-юнкер	Боцман
15	Унтер-офицер, юнкер, фельдьюнкер	Унтер-офицер, юнкер, фельдьюнкер	Старший фейерверкер, юнкер, фельдьюнкер	Старший фейерверкер, юнкер, фельдьюнкер	Унтер-офицер, юнкер, фельдьюнкер	Боцманмат, юнкермарин
16	Штаб-ефрейтор	Штаб-капрал	Фейерверкер	Фейерверкер	Штаб-ефрейтор	Обер-маат
17	Старший ефрейтор	Старший капрал	Старший бомбардир	Старший бомбардир	Старший ефрейтор	Маат
18	Ефрейтор	Капрал	Бомбардир	Бомбардир	Ефрейтор	Магрос 1-й статьи
19	Старший стрелок, старший егерь и т. п.	Старший кирасир и т. п.	Старший канонир	Старший канонир	Старший сапер	Магрос 2-й статьи

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот
20	Стрелок, егерь и т. п.	Кирасир, драгун и т. п.	Канонир	Сапер, минер и т. п.	Юнга

Все чины разбиты на двадцать классовых категорий.

Чины императорской и королевской гвардии имеют при одинаковом же названии преимущество в два класса.

Чины воздухоплавательных отрядов имеют при одном и том же названии преимущество в один класс.
* Чин генерал-полковника, как и чин адмирала моря (адмирала Северного моря, адмирала Южного моря и т.п.), временный, присваивается только во время войны, когда надо выделить командующего среди равных генералов и адмиралов. Может быть пожизненно присвоен при выходе в отставку, если человек уже обладал им.

** Чин генерал-майора дает по выслуге потомственное имперское дворянство.

*** Чин майора дает личное имперское дворянство (но не рыцарство) по выслуге. Что-то вроде средневекового оруженосца с правом на личный герб. Пользуется всеми привилегиями дворянства, кроме права передать их по наследству.

**** Чин штаб-фельдфебеля и к нему приравненных существует, но по традиции давно не присваивается.

Приложение 2

ОРДЕНА ИМПЕРИИ

Орден Бисера Великого — высший орден Ольмюцкого королевства. Имеет четыре степени и медаль.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через плечо.

2-я степень — знак ордена носится на шее, со звездой ордена на груди.

3-я степень — знак ордена носится на шее.

4-я степень — знак ордена носится в петлице.

Медаль ордена «За полезное» носится в петлице на ленточке ордена.

Солдатский крест — имеет две степени.

1-я степень — крест носится на булавке на правой стороне груди или на кармане френча.

2-я степень — крест носится на груди, на черно-белой ленте. Или при полевой форме одна лента в третьей петлице.

Рыцарский крест — присваивается исключительно за личную храбрость перед лицом врага тем, кто уже имеет 1-й и 2-й класс Солдатского креста. Имеет вид Солдатского креста, но носится на шее. Награждение Рыцарским крестом одновременно автоматически возводит человека в личное дворянство как «имперского рыцаря».

Крест военных заслуг Ольмюцкого королевства — присваивается королем за военные заслуги в военное время. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

Крест военных заслуг с мечами дается исключительно за личную храбрость перед лицом врага.

Крест военных заслуг с венком — за военные заслуги, связанные с командованием людьми.

Крест военных заслуг с венком и мечами — за заслуги, связанные с командованием людьми, и проявленную при этом личную храбрость перед лицом врага. Имеет три степени.

Орден 1-й степени носится на широкой ленте через плечо.

Орден 2-й степени — на шее.

Орден 3-й степени — в петлице.

Кавалер Креста военных заслуг любой степени имеет привилегию на непосредственный суд самого короля.

Король может в знак особых заслуг присвоить уже выданному ордену «трофей», который носится над верхним лучом креста. Трофей имеет вид разнообразной военной арматуры на фоне штандарта или скрещенных знамен. Трофей может быть присвоен и в мирное время.

Золотое оружие с надписью «За храбрость» с темляком ленты Солдатского креста — награждают главы автономных субъектов империи (короли, герцоги и т. п.), так как Солдатским крестом может наградить только император. Считается равным Солдатскому кресту 2-й степени, но более почетной наградой.

Имперский крест — высший орден империи, присваивается за особые заслуги перед всей империей. Дарует потомственное дворянство. Носится на широкой ленте через плечо. Офицер или чиновник, получивший Имперский крест, возводится автоматом в следующий чин с абсолютным старшинством по производству в новом чине.

Знак за ранение «Слава пролившему кровь за родину».

Одно — три ранения — знак серебряный.

Свыше трех ранений — золотой.

Носится на булавке ниже Солдатского креста 1-го класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕЦ, ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ. <i>Фантастический роман</i> . . .	5
<i>Приложение 1.</i> Табель о рангах имперской армии	305
<i>Приложение 2.</i> Ордена империи	309